
У ИСТОКОВ РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

У ИСТОКОВ РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

*К 30-летию археологического изучения
Новгородского Рюрикова Городища
и Новгородской областной археологической экспедиции*

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Материалы международной научной конференции
4–7 октября 2005 г., Великий Новгород, Россия

ДБ

С.-ПЕТЕРБУРГ

2007

ЗОЛОТО ВИКИНГОВ НА ТЕРРИТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ*

Наталья В. Ениосова

Государственный университет. Москва. Россия

VIKINGS' GOLD FROM THE TERRITORY OF ANCIENT RUSSIA

Natalia V. Eniosova

State University. Moscow. Russia

ABSTRACT: *The Viking Age is often regarded as 'Age of Silver' since silver dominated in the society and economy of the Viking period. Objects of gold were comparatively rare in Scandinavia, as well as in western and eastern countries where the northern influence was considerable. The aim of this paper is to present some initial results of the studies of distribution and use of gold in Rus during the 10th–mid-11th centuries. These studies comprised c. 50 Scandinavian and Slavic gold ornaments found in cultural layers, graves and hoards in a number of major towns of ancient Russia including Kiev, Chernigov, Polotsk, Suzdal and Gnezdovo.*

The corpus of Russian gold ornaments is rather monotonous. These are mainly plain penannular or annular arm-rings formed from rods of circular section or from several tapering rods twisted together. This fact suggests that such jewellery was regarded as a special kind of money which was convenient means of payment in large units. The weights of the gold arm-rings vary from 24 to 200 grams. Probably, they were used mainly for paying taxes, tributes, and also as prestigious gifts and signs of honour. Such a weight-money unit was possibly established to satisfy the needs of long-distance trade with Byzantium where currency was based on gold. Along with Kiev and Chernigov, gold arm-rings have been found also in Suzdal and Polotsk.

In contrast to the items described above, the gold ornaments from the early urban site of Gnezdovo are much more diverse. Most of the gold jewellery from Gnezdovo belongs to the same stylistic and technological circle as the so-called Terslev and Hiddensee ornaments. Finds of the gold items decorated in Terslev and Hiddensee styles, as well as metal-working evidence of their production, are concentrated primarily in south-western Scandinavia and Northern Germany. These ornaments are products of highly specialised goldsmiths who worked for the Danish kings during the middle and late 10th century. Despite the relative rarity of these objects of high status, they were widespread all over the Viking World – from Iceland to Russia.

Archaeological excavations at the settlement of Gnezdovo have yielded solid evidence of manufacturing jewellery here. Careful sieving and washing of cultural layers within the hill-fort and floodplain areas produced numerous finds of gold objects. No special tools associated with the filigree and granulation techniques have been uncovered in Gnezdovo. Nevertheless, we have grounds to assume that small-scale repairs were carried out at this particular site. It seems that even fairly small pieces of gold were utilised carefully re-melted for subsequent casting, hammering or gilding.

Эпоху викингов часто называют «веком серебра» из-за абсолютного преобладания этого металла в скандинавском обществе и экономике VIII–XI столетий. В отличие от серебра, изделия из золота редко встречаются как в Скандинавии, так и в странах Западной и Восточной Европы, где ощущалось значительное северное влияние. На территории Древней Руси найдено не более 50 украшений и их фрагментов, относящихся к позднему периоду викингов. Добавив к ним около 50 византийских номисм, один испанский динар, 11 злат-

ников Владимира и приблизительно пять слитков, происходящих с древнерусской территории, мы получим полный список находок из золота, датированных серединой X–серединой XI вв. Большая их часть происходит из кладов и погребений, обнаруженных при раскопках Киева, Чернигова, Гнездова (Гнѣздо, согласно дореформенной орфографии – *Ред.*), Суздаля и Полоцка, меньшая относится к одиночным артефактам из культурного слоя древнерусских городов или к случайным находкам.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 05-01-07381а).

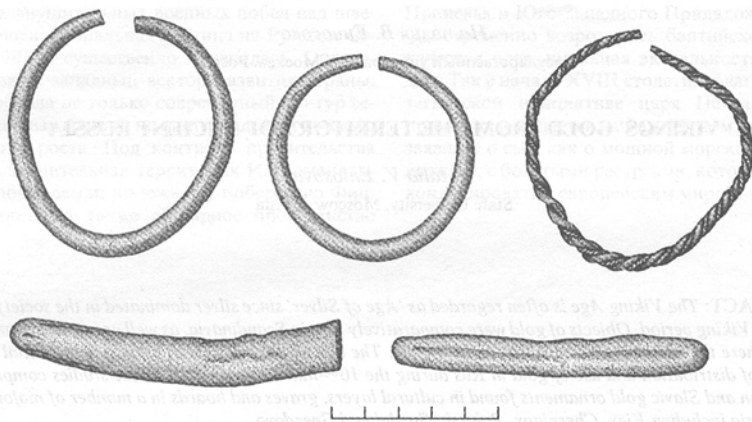

Рис. 1. Золотые браслеты и слитки из клада, обнаруженного на усадьбе Бродского в Киеве
(Корзухина, 1954. С. 90. Табл. 10)

Fig. 1. Gold bracelets and ingots from the hoard found at Brodsky's estate in Kiev

Во всех перечисленных выше пунктах за исключением Гнездова, набор золотых украшений достаточно однообразен. Он включает главным образом браслеты из гладкого кованого дрота округлого или прямоугольного сечения, а также браслеты и гривны, витые из двух или более проволок, как разомкнутые, так и с завязанными концами (21 экз., рис. 1).

Золотые гривны и браслеты эпохи викингов исследователи связывают с социальными и религиозными ритуалами скандинавов. Золото играло особую роль в системе престижных даров. Сподвижники и дружинники знатных людей стремились получить от них подарки, в числе которых были бы браслеты и гривны. Наиболее ценный и редкий металл раннесредневековой Европы являлся материализованным воплощением могущества, счастья, удачи его обладателя (Гуревич, 1999. С. 234). Большая золотая гривна была возложена русским князем Борисом на его верного слугу – венгерского отрока Георгия. Он погиб, защищая своего патрона, и был обезглавлен убийцами, желавшими получить драгоценное украшение (ПВЛ, 1950. Ч. 1. С. 91).

Мелкие золотые предметы (бляшки, проволока) были найдены во рту умерших, похороненных в курганном могильнике последней четверти X–первой половины XI вв. Подгорцы в окрестностях летописного Плеснеска на территории южных земель Древней Руси. В погребальном обряде они выполняли функцию «обола мертвых», заменяя,

вероятно, золотые византийские монеты (Лубок, 2006. С. 89–92).

О витивом характере некоторых золотых кладов и обнаруженных отдельно украшений свидетельствует, на наш взгляд, их приуроченность к водоемам. Среди них такие знаменитые сокровища, как Хидензее и Пенемонде, а также самая массивная золотая гривна эпохи викингов, весом в 1,8 кг, найденная на поселении у озера Тиссе в Западной Зеландии. Как полагают, название озера связано с богом войны Тюрором (Hårdh, 1996. P. 132–134; Jørgensen, 2003. P. 183).

Считается также, что в эпоху викингов массивные золотые браслеты и гривны обращались в качестве платежного средства на Британских островах, в Скандинавии и на Руси (Назаренко, 2001. С. 146–147; Hårdh, 1996. P. 144–145). Об этом свидетельствуют их вес, приспособленный к скандинавской марке или русской гривне, а также высокая проба металла (83–99,9%) (Табл. 1).

На гладких браслетах, больше похожих на массивные слитки металла, часто встречаются насечки, сделанные продавцами или покупателями для определения «чистоты» золота (рис. 2). Они, безусловно, знали, что металл мягче при его высокой пробе. Кроме того, даже углубления, сделанные в его верхнем слое, позволяли отличить настоящий браслет или слиток от поддельного, обтянутого тонким золотом листом (Graham-Campbell, 1995. P. 33, 38).

Таблица 1

Вес и проба металла золотых браслетов с территории Древней Руси и Скандинавии по данным музейного пробирования (Милотин, 1993. С. 511; Седова, 1997. С. 89; Skovmand, 1942. P. 71; Zachrisson, 1992. P. 52–53)

Table 1. Weights and standards of the metal of gold bracelets from Rus and Scandinavia according to museum cupeling

Происхождение	Вес в граммах	Проба золота (%)
Чернигов	56,6	83
Чернигов	50,12	95
Киев	99,3	
Киев	108,6	
Суздаль	94	99,9
Суздаль	96	99,9
Суздаль	104	99,9
Полоцк	97,6	
Полоцк	98	
Полоцк	101,4	
Бирка (Швеция)	198,13	96
Бирка (Швеция)	196,57	96
Вестер Ведстед (Дания)	24,1	
Вестер Ведстед (Дания)	27,3	
Вестер Ведстед (Дания)	48,8	
Вестер Ведстед (Дания)	97,5	
Вестер Ведстед (Дания)	103,6	

Использование украшений в качестве платежного средства большого номинала на Руси, вероятно, было вызвано потребностями дальней торговли с Византийской империей, где золото было основой денежно-весовой системы. Византийская номисма или золотник – основная денежная единица, на которую ведется счет в договорах Игоря и Олега с греками (Назаренко, 2001. С. 30). После заключения каждого договора в 907, 911, 944 и 971 гг., определяющих условия торговли в Константинополе, поток византийских монет, поступающих на Русь, усиливался (Кротошкин, 1963. С. 13).

Золотые монеты, слитки и массивные украшения аккумулировались в великокняжеской сокровищнице. Не случайно, большая часть находок золотых браслетов, украшений и монет происходит из Киева, Чернигова и Полтавской губернии (Переяславское княжество)¹. Они принадлежат ко второй и третьей группе кладов по Г. Ф. Корзухиной. По мнению В. Н. Зоценко, драгоценные монеты и украшения в равной степени выполняли функцию «резервных» денег для будущих торговых сделок на рынках Константинополя, либо служили для уплаты торговых пошлин (Зоценко, 1991. С. 74, 77). Не исключено также, что золотые и серебряные гривны, равно как и другие украшения, слу-

Рис. 2. Поперечная насечка – проба металла на золотом браслете из клада близ Елецкого монастыря в Чернигове (Корзухина, 1954. С. 92)

Fig. 2. Cross-cut notch – the metal standard on a gold bracelet from the hoard from the Yelets Monastery in Chernigov

жили знаками «удостоверения личности» послов при переговорах. Золотом наравне с оружием князья при заключении договоров с греками первые русские князья (Кацтанов, 1996. С. 22–26). В великокняжеских мастерских выпускали и первые рус-

¹ По сведениям Г. Ф. Корзухиной кованые браслеты встречаются в двух киевских кладах второй половины X в.: клад 1851 г. (№ 12) и клад 1913 г. с усадьбы Сикорского (№ 13). Браслеты и кольца происходят из четырех кладов третьей четверти XI в.: клад 1787 г. (№ 29) и 1899 г. с усадьбы Бродского в Киеве (№ 30), клад Елецкого монастыря в Чернигове (№ 35) и Великосельский клад 1903 г. в Полтавской губернии (№ 38) (Корзухина, 1954. С. 83, 90–93).

ские золотые монеты. По мнению М. П. Сотникова, золотой чекан служил «для удовлетворения потребности в монете не столько по основному ее предназначению, сколько для «репрезентативного» использования – в качестве пожалований во время торжественных церемоний» (Сотников, 1995. С. 238–239).

Помимо Южной Руси, клад второй четверти XI столетия, содержащий массивные золотые браслеты, обнаружен во время раскопок усадьбы в Суздале (Седова, 1997. С. 89–90). Короткий список кладов поздней эпохи викингов, содержащих массивные изделия из золота, завершают две находки из Полоцкой земли. Один из кладов был найден во время раскопок Полоцка и, безусловно, является частью сокровищ местной княжеской династии (Милютин, 1993. С. 511). Вторым – Стражевичский клад, был зарыт в середине XI столетия близ древнего Лукомля. Он содержал, помимо многочисленных серебряных монет и изделий, золотой слиток и два свернутых в кольца обломка массивных браслетов круглого и четырехгранного сечений (Корзухина, 1954. С. 96–97).

Несмотря на высокую стоимость металла, украшения из Киева, Чернигова, Суздаля и Полоцка изготовлены с помощью простых операций. По мнению Г. Ф. Корзухиной, этот суровый мужской убор отличается «серьезной деловитостью, характерной для накопления ценности». Она полагала, что киевские златокузнецы достигли вершин ювелирного ремесла только во второй половине XI в. в эпоху Ярославичей (Корзухина, 1954. С. 92–96). Исследовательница исключила из списка продукции киевских мастерских отдельные украшения женского убора конца X–середины XI столетий, найденные в могильниках и кладах Киева и Чернигова. Среди них выделяется небольшая группа золотых изделий, принадлежащих к различным производственным традициям.

Две случайно обнаруженные в Киеве лунницы (рис. 3), перстни из черниговского клада и височное кольцо из Коростея стилистически и технологически принадлежат к кругу украшений, производимых на Волыни, инструменты для изготовления которых были найдены в могильнике Пересопница (Корзухина, 1954. С. 92; Сизова, 1991. С. 8; Звіздейкий и др., 2004. С. 76. Рис. 16, 1). К славянским украшениям, распространенным весьма широко, относятся и проволочные височные кольца с заходящими концами, обнаруженные в

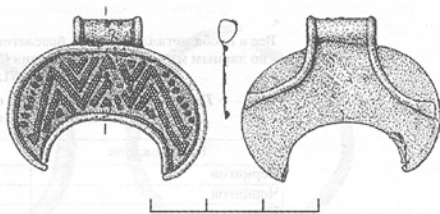

Рис. 3. Золотая подвеска-лунница.
Случайная находка из Киева

Fig. 3. Gold lunule pendant (*lunnița*). Find from surface. Kiev

погребении № 123 Киевского некрополя. От прочих несложных в изготовлении изделий данного типа их отличает только металл – золото редко использовалось в ювелирном производстве этой эпохи (Карзер, 1958. С. 208. Табл. XXVII).

В четырех киевских погребениях найдены украшения из рубчатой и гладкой проволоки, причем форма узла, скрепляющего их концы, характерна для украшений Скандинавии (Stenberger, 1958. P. 271; Hårdh, 1976. P. 48. Abb. 2). Рубчатая или бусинная проволока также является характерным признаком северного искусства зерни и скани (Duczko, 1985. P. 62). На трех из восьми колечек этого типа, происходящих с территории Киева, находились стеклянные и каменные бусины². В погребениях на территории Скандинавии проволочные колечки с напускными бусинами, как правило, подвешивались к шейному украшению. Так, в погребении Туна (Tuna, Alsike), обнаруженном в шведской провинции Уппланд, ожерелье из сердолика и горного хрусталя было дополнено 12-ю проволочными колечками с каменными и стеклянными бусинами (Stenberger, 1977. P. 425. Abb. 281). В киевских погребениях подобные украшения найдены около черепа, на пальцах рук и в составе ожерелья.

В отличие от относительно немногочисленных женских золотых украшений поздней эпохи викингов из Киева и Чернигова, драгоценный убор жительниц Гнездова представлен более разнообразными находками. Большинство из них происходит из разрушенного кургана, содержащего остатки трупосожжения второй половины X в., обнаруженного в ходе предвоенных раскопок на гнездовском центральном городище (Милонов, Андреев, 1940. С. 26–31). Не исключена возмож-

² Золотые колечки с напускными бусинами и без них найдены в камерных женских погребениях № 123, 124, 125 (Карзер, 1958. С. 208–209. Табл. XXVII–XXIX). Из последних находок (1999 г.) – богатое женское каменное погребение № 49 на территории Михайловского Златоверхого монастыря (Ивакин, 2005. С. 289. Рис. 7, 3).

ность реинтерпретации этих находок как части клада.

Комплекс содержит круглые подвески с орнаментом, составленным из трех филигранных воллют, помещенных на гладкую основу из тонкого золотого листа. Меньшая из подвесок, украшенная только филигранной проволокой – самая простая. Две другие представлены практически идентичными экземплярами. Помимо бусинной проволоки на их поверхности помещены крупные шарiki зерна на колечках (рис. 4, 1–3). На первый взгляд, подвески принадлежат к весьма распространенному типу северных украшений из золота из серебра. Однако согласно последней сводке филигранных украшений эпохи викингов, известно 69 круглых подвесок с тремя, четырьмя и пятью воллутами; 30 экз. имело по три воллуты. 29 из них сделаны из серебра, одна – из золота (*Eilbracht*, 1999. P. 179–187). Таким образом, помимо гнездовских экземпляров существует единственная золотая подвеска с тремя воллутами. Она найдена на Британских островах (Trewiddle) в Корнуолле (*Eilbracht*, 1999. P. 181, L13).

Еще более необычное изделие – подвеска прямоугольной формы, обнаруженная в том же погребении. В ее филигранном орнаменте сочетаются спирали и декоративные элементы в виде греческой буквы омега, образующие крест в центральной выпуклой части украшения (рис. 4, 4). Этот объект уникален по форме и орнаментации. Мотив «омега» является чрезвычайно редким для скандинавского прикладного искусства. Он встречается на ушке одной из серебряных подвесок с орнаментом в виде воллют из гнездовского клада 1993 г. (*Пушклина*, 1996. С. 177. Рис. IV, 4). Более ранние образцы золотых круглых подвесок с аналогичным мотивом происходят из норвежских кладов IX в. Хон (Hon) и Слеммедаль (Slemmedal) (*Eilbracht*, 1999. P. 192. Taf. 5, 81–83. Taf. 7, 104). Считается, что растительный орнамент, состоящий из филигранных спиралей, завитков и воллют, отражает различные импульсы, способствующие сложению северного искусства зерни и скани. Среди них исследователи видят как континентальные влияния империи франков, так и характерные черты англо-саксонского островного стиля (*Duczko*, 1985. P. 106–111). Учитывая раннюю дату норвежских кладов, можно предположить, что для X столетия мотив «омега» является архаичным.

Помимо подвесок, упомянутых выше, золотые изделия из погребения или клада на гнездовском

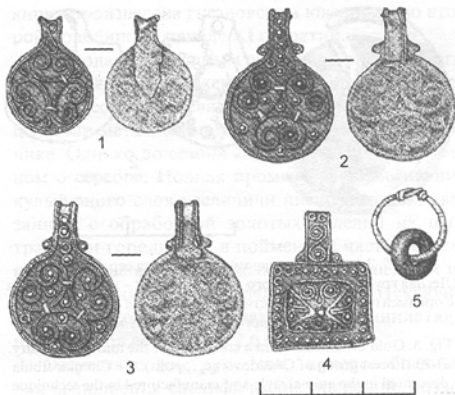

Рис. 4. Украшения из женского погребения или клада (?) из раскопок на Гнездовском городище в 1940 г. 1–3 – круглые подвески, выполненные в технике зерни и скани с орнаментом из 3-х воллют; 4 – прямоугольная подвеска с мотивом «омега»; 5 – колечко из рубчатой проволоки с завязанными концами и напусковой бусиной

Fig. 4. Ornaments from a female burial or a hoard (?) excavated at the Gnezdovo fortified settlement in 1940. 1–3 – rounded pendants manufactured in the technique of filigree or pearly work and decorated with three volutes; 4 – rectangular pendant with an «omega» motif; 5 – a small ring from ribbed wire with tied up ends and a put-on bead

городище представлены подвеской-колечком из рубчатой проволоки с напусковой бусиной (рис. 4, 5). Две золотые и пять серебряных подвесок этого типа обнаружены в гнездовских погребениях, на городище и селище³. И, наконец, из этого же погребения на городище происходит золотая византийская монета-подвеска императора Александра (912–913 гг.). Вторая номисма, чеканенная при императоре Феофиле (829–842 гг.), обнаружена в кургане № 47 (1950). Она также была превращена в украшение (*Кропоткин*, 1962. С. 28).

Список золотых находок из Гнездова на этом не исчерпывается. В богатом женском погребении Лесной группы (Л-23), совершенном по обряду кремации в середине X в., найдена круглая фибула, украшенная зернью и сканью в стиле Еллинг. (рис. 5, 1). Несмотря на большое разнообразие драгоценных украшений этого круга, сколько-нибудь близких параллелей гнездовскому экземпляру нет. Наиболее схожие серебряные украшения составляют небольшую группу: две из них найдены в

³ Золотые подвески происходят из кургана Польш-76, Гл-80 (гладкая проволока, синяя бусина) и раскопа ВС-10-В, Гл-98 в восточной части селища (рубчатая проволока, бусина белого прозрачного стекла).

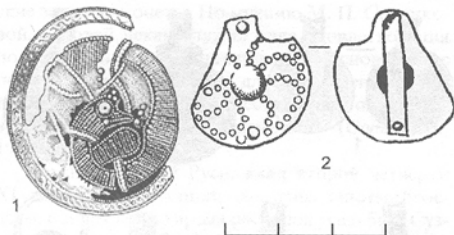

Рис. 5. Золотые украшения из сожжения сер. X в. Л-23 (Лесная группа Гнездовского могильника): 1 – круглая фибула с орнаментом в зверином стиле, выполненная в технике зерни и скани; 2 – щитообразный амулет

Fig. 5. Gold ornaments from a cremation of the mid-10th century. Л-23 (Forest group of Gnezdovo necropolis): 1 – Circular fibula decorated in the animal style and manufactured in the technique of filigree and pearly work; 2 – Shield-like amulet

датских кладов (Vester Vested and Sejro), третья происходит из киевского погребения (Каперс, 1958. С. 205–206. Табл. XXVI, 2; Eilbracht, 1999. P. 222. Taf. 27, 316–317).

Большая часть золотых предметов, обнаруженных в Гнездове, по стилистическим и технологическим признакам может быть включена в тот же круг северных изделий, что и украшения, декорированные в стилях Терслев и Хидензее (Duczko, 1993. P. 185–189; Eilbracht, 1999. P. 133–147; Armbruster, 2002a. P. 87–178; 2002b. P. 223–231). Их находки, а также многочисленные свидетельства производства в виде инструментов, заготовок и отходов сконцентрированы преимущественно в Северной Германии и Юго-Западной Скандинавии. Считается, что они изготовлены высококлассными мастерами, работавшими на протяжении 50 лет при королевских дворах Харальда Синезубого и Свена Виллобородога. На сегодняшний день известно 326 украшений этого круга. Не более 40 из них выполнены из золота, остальные – из серебра (Duczko, 1995. P. 644–657; Eilbracht, 1999. P. 179–224). В отличие от широко распространенных изделий из бронзы, предназначенных для широких слоев населения, украшения из драгоценных металлов, особенно из золота, производили для людей, принадлежащих к высшему слою скандинавского общества. Несмотря на исключительную редкость, они распространены от Исландии до России. Некоторые изделия образуют небольшие однотипные серии со схожими орнаментальными мотивами. Техника тиснения основы для этих украшений с помощью выпуклой матрицы давала возможность получения стандартных заготовок. Однако применение сложных приемов зерни и филигранны каждый раз позволяло создавать

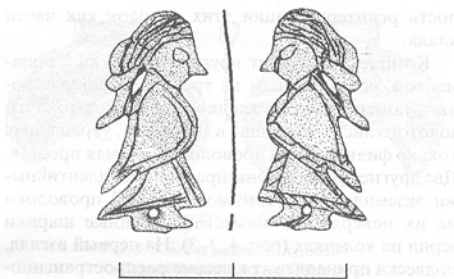

Рис. 6. Золотой амулет – изображение валькирии. Случайная находка в восточной части Гнездовского селища

Fig. 6. Gold amulet representing a Valkyrie. Find from surface. Eastern end of Gnezdovo settlement

единственное в своем роде произведение. Появление украшений столь высокого статуса в различных регионах Северной и Восточной Европы связывают с присутствием представителей южно-скандинавской знати. Не исключено, что опутинная концентрация редких драгоценных находок в Гнездове указывает на прямые контакты гнездовской элиты с членами датской правящей династии.

Гнездово занимает особое место по числу найденных здесь серебряных, бронзовых и железных предметов, связанных с культом и магией (Jansson, 1987. P. 781–782; Новикова, 1991. С. 175–199). Существуют также убедительные свидетельства производства многих типов скандинавских амулетов в гнездовских мастерских (Енисова, 2001. С. 133–135). Среди миниатюрных молоточков, копий, мечей и других предметов, обычных как для Скандинавии, так и для Восточной Европы, особое место занимают два редких золотых амулета. Один – миниатюрное изображение щита с мотивом сегнерова колеса из того же женского погребения Л-23, что и круглая золотая фибула. На обороте щита прикреплена золотая пластинка-скобка с петлей для подвешивания (рис. 5, 2).

Фигурка валькирии происходит из верхнего, поврежденного пахотой слоя гнездовского восточного селища (рис. 6). Этот тип скандинавских амулетов встречается значительно реже, чем модели щитов. Примечательно, что все женские фигурки, обнаруженные в Скандинавии и Древней Руси на Рюриковом городище отлиты из серебра или медного сплава вместе с петлей для подвешивания, расположенной на обороте (Носов, 1990. С. 126. Рис. 44: 2; Vierck, 2002. P. 28. Abb. 6). Золотая фигурка из Гнездова существенно отличается от остальных фигурок валькирий. Стиль изображе-

ния имеет больше общих черт с двухмерными рисунками на голландских камнях VIII–IX вв., например, с изображением на камне из Ардре (*Stenberger, 1977. P. 406. Abb. 270*). Некоторое сходство прослеживается и с женской фигуркой, профиль которой помещен на тонкой тисненой золотой пластине с Борнхольма (*Sorte Muld*). Одиночные и парные изображения богов и людей на золотой фольге широко распространены на территории Скандинавии в VI–VII вв., однако традиция их производства, по мнению некоторых исследователей, доживает и до ранней эпохи викингов (*Watt, 1998. P. 174, 176. Fig. 4b*). Гнездовская фигурка при несомненном иконографическом сходстве выполнена в другой технике. В отличие от фигурок с Борнхольма она не отгиснута с помощью выпуклой матрицы, а вырезана из тонкого листа драгоценного металла (0,8 мм) с помощью миниатюрного зубильца. Прическа изображенного персонажа и наряд проработаны острым ножом или шильцем с обеих сторон изображения. Вероятно, валькирия входила в связку амулетов, которые обычно состояли из моделей оружия, орудий, фигурок животных и людей. Такие связки миниатюр из листового серебра, а также отдельная фигурка серебряной валькирии, обнаружены во время раскопок центрального городища (*Лушкина, 2001. С. 313–318*). Этот факт, а также отсутствие параллелей в хронологически близком скандинавском материале, позволяют предположить, что золотая валь-

кирия произведена гнездовским ювелиром во второй половине X–начале XI столетий.

Благодаря ежегодным раскопкам гнездовского поселения на протяжении более 30 лет, мы получаем все больше свидетельств о работе с драгоценными металлами в мастерских на этом памятнике. Однако до сезона 2002 г. речь шла в основном о серебре. Полная промывка и просеивание культурного слоя увеличили число находок, связанных с обработкой золотых изделий на центральном городище и в пойменной части поселения. Прежде всего, это мелкий лом вышедших из употребления золотых изделий (рис. 7). Исключительно редкой является находка двух миниатюрных слитков весом 3,7 и 2,6 г (рис. 8).

Отсутствие инструментов, приспособленных для выполнения специфических операций, позволяет исключить украшения, выполненные в северо-европейской технике зерни и скани из круга продукции, выпускаемой местными ювелирами. Тем не менее, в Гнездове могли производить изделия из листового металла, выполнять ремонт драгоценных украшений из золота и наносить амальгамную позолоту на серебряные и бронзовые изделия.

Анализ химического состава гнездовского золота показал, что все образцы имеют высокую пробу, некоторые из них сделаны из очень чистого металла (Табл. 2).

Таблица 2

Результаты рентгенофлуоресцентного анализа гнездовских находок из золота⁴
 Table 2. Results of x-ray fluorescent analysis of gold finds from Gnezdovo

Образец	Au, %	Ag, %	Cu, %
Валькирия	96,41	2,55	1,4
Шарик (d – 0,8 mm)	76,01	23,99	
Шарик (d – 1,2 mm)	79,81	20,19	
Шарик (d – 0,5 mm)	99,5	0,5	
Заклепка	98,52	1,48	
Обломок подвески с волотами	95,85	2,13	2
Слиток (вес – 3,7 г)	98,42	1,58	
Слиток (вес – 2,6 г)	92,31	7,69	

О химическом составе золота эпохи викингов мы знаем немного. Помимо гнездовских образцов исследованы украшения и сырье из Хедебу, все предметы из клада Хидензензе и одиночные находки на некоторых памятниках Швеции и Дании (*Oddy, Meyer, 1986. P. 172. Tabl. 11; Pernicka, 2002. P. 199–200; Armbruster, Eilbrachi, 2006. P. 36*). Высокое

качество металла характерно, в большей степени, для периода викингов, чем для предшествующих эпох Великого переселения народов и Венделя (сплавы содержат 45–75% золота) (*Oddy, Meyer, 1986. P. 157*).

Все данные говорят о том, что ювелиры эпохи викингов использовали широкий спектр золотых

⁴ Анализы выполнены П. А. Митояном в Рентгеноспектральной лаборатории кафедры геохимии геологического факультета МГУ.

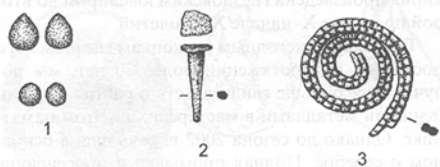

Рис. 7. Производственные отходы мастерской, обрабатывающей золото. Поймающая часть Гнездовского поселения: 1 – шарики золота; 2 – шпинец; 3 – деталь подвески с волотой

Fig. 7. Manufacturing waste from a goldsmith's workshop. Flood-land section of the Gnezdovo site: 1 – globules of gold; 2 – pin; 3 – part of a pendant with a volute

Рис. 8. Золотые слитки, обнаруженные на Центральном городище и в пойменной части Гнездовского селища.

Fig. 8. Gold ingots found at the Central fortified settlement and the flood-land section of Gnezdovo settlement.

сплавов (60–99%), однако нет никаких свидетельств о последовательном снижении пробы драгоценного металла с течением времени. О возможности контролировать качество золота свидетельствуют находки пробирных камней из Бирки, Хеддебу и Винчестера (*Moore, Oddy*, 1985. P. 59–80; *Armbruster*, 2002a. P. 179. Abb. 41, 2).

Состав золота украшений изклада Хидензее демонстрирует большую чистоту и однородность, чем металл Хеддебу. Вероятно, в первом случае можно говорить о работе одной мастерской, во втором – о разных мастерах и различных источниках получения благородного металла, включая переплавку изделий, вышедших из употребления. Золото обычно разбавляли серебром или медью для придания ему твердости. С помощью добавок этих металлов можно было изменять цвет золота от красного до желтовато-зеленого. Степень разбавления зависела от доступности металла в определенных регионах, а также от личной честности мастера или финансовых возможностей заказчика (*Ogden*, 1994. P. 161).

Принято считать, что византийские золотые монеты служили сырьем для производства укра-

шений поздней эпохи викингов (*Oldeberg*, 1966. P. 251). Однако на севере Европы встречаются только фолисы и милиарисии. Готланд является единственным местом, где обнаружены две византийские номисмы (*Duczko*, 1997. P. 293).

На территории Древней Руси в X–XI вв. севернее Полоцка и Суздаля находки из золота, включая монеты, встречаются крайне редко. Золотые византийские монеты, превращенные в подвески, найдены во Пскове (Константин VII и Роман II – 945–959 гг.)⁵, на Белоозере (Василий II и Константин VIII – 976–1025 гг.) и на селище Пужбол (Феофил – 829–842 гг.)⁶ в окрестностях Ростова Велико-го (*Захаров*, 2004. С. 122; *Гурулева*, 2002. С. 34–36). В Тимереvском могильнике (курган № 100) обнаружен массивный золотой пластинчатый перстень неправильной четырехугольной формы с точечным орнаментом по краям; золотое колечко-подвеска с напусковой бусиной (Au – 95,87%, Ag – 3,37%, Cu – 0,75%) обнаружено в недавно открытом псковском женском скандинавском погребении второй половины X в. (*Фехнер, Недошвина*, 1987. С. 82; *Яковлева*, 2004. С. 77–79). Этим же временем датируются находки отходов златокузнечного производства на Тимереvском поселении⁷ и Рюриковом городище: тонкие золотые нити, кулочки проволоки, листки золотой фольги и обломки украшений (*Носов*, 1990. С. 80).

Концентрация золотых вещей на юге Руси является результатом необычайно тесных связей Киева и Византии. По подсчетам В. Н. Зоценко, из 35 греческих золотых монет, обнаруженных в Южной Руси, 25 найдено в Киеве (*Зоценко*, 1991. С. 64–69). Из греческого металла высокой пробы (91–96%) были сделаны и златники Владимира, и массивные кованые браслеты (*Сотникова*, 1995. С. 172–175). В отличие от серебра, в золото на Руси практически не добавляли других металлов.

Высокий стандарт металла монет и украшений, произведенных в Киеве, хорошо согласуется с данными о химическом составе византийского монетного чекана. Императоры поддерживали высокую пробу золота в монетах (90–92%). Византийская номисма оставалась образцом стабильности до 30-х гг. XI в. (*Meicalf*, 1972. P. 384–389; *Oddy, La Niece*, 1986. P. 19–27; *Morrisson*, 1994. P. 3–47).

Несмотря на то, что в IX–XI вв. золото поступало в Византию из нескольких источников, глав-

⁵ Найдена в Довмонтовом городе во время раскопок С. В. Белецкого. Вес – 4,11, Au – 85%, Ag – 13%.

⁶ Доклад А. Е. Леонтьева на конференции «Сельская Русь в IX–XIV вв. От новых методов изучения к новому пониманию». Г. Кириллов, 2005 г.

⁷ Доклад В. Н. Седых «Новгородское (Рюриково) городище и Тимереv: общее и особенное сквозь данные истории и археологии» на конференции «У истоков русской государственности». Великий Новгород, 2005 г. См. в настоящей сборнике его статью «Рюриково Городище и Тимереv: общее и особенное сквозь данные истории и археологии» – *Ред.*

ным из которых считается экспорт драгоценного металла из Халифата, в X в. вывоз золота был ограничен строгими правилами расходования металла в имперских монетных и ювелирных мастерских, о чем свидетельствует «Книга Эпарха» (Hendy, 1985. P. 251–255).

Вероятно, в эпоху викингов Скандинавия получала золото и серебро из различных источников. Нет никаких свидетельств того, что арабское или византийское золото достигало севера Европы, перемещаясь по тем же торговым путям, что и поток восточного серебра. Судя по распространению находок из золота, на север Руси оно поступало в малых количествах.

Можно предположить, что основными источниками золота в Скандинавии были вышедшие из

употребления изделия вендельского периода, золотой лом эпохи Великого переселения народов и «свежий» металл из золотоносных аллювиальных песков, небольшие порции которого промывали на Верхнем Рейне, Дунае, Мозеле и в реках Богемии (Oldeberg, 1966. P. 251; Ogdén, 1994. P. 156–161). Наиболее раннее упоминание об использовании рейнского золота в ювелирной практике мы находим в трактате Теофила, составленном между 1100 и 1140 гг. (Hawthorne, Smith, 1979. P. 120).

Подводя итог сказанному выше, правомерным представляется вывод, что в отличие от серебра – повседневного металла эпохи викингов, золото, являясь средством платежа, было все же в большей степени металлом престижа, выполняя репрезентативные и сакральные функции.